

ТВЕРСКАЯ

ЕПАРХИАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 15 чисель. Цѣна годовому изданію безъ пересылки 4 р. 50 к., съ пересылкою 5 р.

15 ФЕВРАЛЯ 1882 Г.

Подписка принимается въ редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей и у мѣстныхъ Благочинныхъ.

№ 4.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ЧАСТИ ОФИЦІАЛЬНОЙ: Высочайшее повелѣніе. — Высочайшія награды. — Распоряженіе Тверскаго Епархіальнаго Начальства. — Епархіальныя извѣстія.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

Именной Высочайшій указъ Святѣйшему Синоду, отъ 4 февраля: Архіепископу Херсонскому **Платону** Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, Успенскія Кіево-Печерскія Лавры священно-архимандритомъ и членомъ Святѣйшаго Синода.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

СПИСОКЪ

лицъ свѣтскаго званія, Всемилостивѣйше пожалованныхъ, въ 25 день декабря 1881 г., знаками отличія, за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству Тверской епархіи.

а) Золотою медалью для пошеи на шею на Владимірской лентѣ, Тверской временный кунецъ **Петръ Добринскій.**

б) *Серебряною медалью для ношенія на шею на Аннинской лентѣ*, крестьянинъ Михаилъ Заонегинъ.

в) *Серебряною медалью, для ношенія на груди на Станиславской лентѣ*, крестьянинъ Петръ Орловъ.

РАСПОРЯЖЕНІЕ ТВЕРСКАГО ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Тверское губернское правленіе по строительному отдѣленію въ отношеніи въ консисторію, отъ 20 сего января за 121, изъяснило слѣдующее: „31 іюля 1881 года за № 1110, губернское правленіе просило духовную консисторію сдѣлать, между прочимъ, распоряженіе, чтобы каждый разъ, по окончаніи церковныхъ построекъ, производилось освидѣтельствованіе ихъ, согласно 148 ст. XII том. св. зак. уст. строительнаго, на основаніи коей всѣ казенныя сооруженія, перестройки и исправленія зданій, должны быть свидѣтельствуемы лицами, въ самыхъ работахъ не участвовавшими,—и чтобы копіи актовъ объ освидѣствованіи построекъ доставлялись въ губернское правленіе. Между тѣмъ изъ отношенія духовной консисторіи, отъ 30 минувшаго декабря за № 7606, видно, что за работами по постройкѣ новыхъ придѣловъ при церкви въ селѣ Намѣсковѣ, Бѣжецкаго уѣзда, наблюдалъ Тверской городской архитекторъ Федоровъ, и онъ же, по окончаніи работъ, освидѣтствовалъ ихъ, почему освидѣтельствованіе это, на основаніи 148 ст. устав. строит., не можетъ быть признано правильнымъ. Сообщая объ изложенномъ, строительное отдѣленіе, согласно утвержденной г. вице-губернаторомъ резолюціи, просило духовную консисторію сдѣлать распоряженіе о точномъ выполненіи требованія 148 ст. уст. строит., и о томъ, какое будетъ сдѣлано по сему распоряженію, увѣдомить губернское правленіе.“

По справкѣ же въ духовной консисторіи оказалось, что отношеніе Тверскаго губернскаго правленія по строительному отдѣленію, отъ 31 іюля 1881 года за № 1110, отпечатано для свѣдѣнія и руководства духовенству Тверской епархіи въ № 16 Тверскихъ епархіальныхъ вѣдомостей за 15 августа того же года.

Въ 148 ст. св. зак. том. XII сказано: „Всѣ казенныя сооруженія, перестройки и исправленія зданій должны быть свидѣтельствуемы на законномъ основаніи лицами, въ самыхъ работахъ не участвовавшими.“

А по сему духовная консисторія опредѣлили: съ прописаніемъ настоящаго отношенія и оказавшагося по справкѣ объявить духовенству и церковнымъ старостамъ Тверской епархіи о точномъ выполненіи ими 148 ст. уст. строительнаго, о чемъ увѣдомить губернское правленіе по строительному отдѣленію (и увѣдомлено) отношеніемъ.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сверхштатный пономарь погоста Подборовья. Ржевскаго уѣзда, Иванъ Фруктовъ 13 сего января зачисленъ въ штатъ при той же церкви.

Исправляющій должность псаломщика села Дубова, Кашинскаго уѣзда, Козьма Волковъ 5 января 1882 года померъ, а на его мѣсто 18 сего января опредѣленъ запрещенный діаконъ села Раевского, Вышневолоцкаго уѣзда, Іоаннъ Любскій.

Исправляющій должность псаломщика села Діева, Бѣжецкаго уѣзда, Ѳедоръ Голубевъ 18 сего января, согласно его прошенію, уволенъ отъ должности, а на его мѣсто того же

числа опредѣленъ бывший ученикъ Тверской Семинаріи Алексѣй Флоровскій.

Окончившій курсъ Семинаріи въ 1881 году воспитанникъ Василій Постниковъ опредѣленъ во псаломщика къ церкви села Выдропуска, Вышневолоцкаго уѣзда.

Настоятель Тверской Иоанно-Предтеченской Кладбищенской церкви протоіерей Александръ Соколовъ 16-го декабря 1881 года померъ, а на его мѣсто 21 сего января перемѣщенъ священникъ Осташковскаго Троицкаго собора Василій Архангельскій.

На праздное мѣсто псаломщика къ Калязинскому Николаевскому собору 28 января сего года опредѣленъ окончившій курсъ воспитанникъ Тверской духовной семинаріи Иванъ Постниковъ.

Редакторъ Протоіерей *В. Владиславлевъ*.

Дозволено цензурою 15 февраля 1882 года.

Печатано въ Типографіи Тверскаго Губернскаго Правленія.

ТВЕРСКАЯ

ЕПАРХИАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15 ФЕВРАЛЯ 1882 Г.

№ 4.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ЧАСТИ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ. Блаженная кончина, вынось и погребеніе тѣла въ Бозѣ почившаго Митрополита Кіевскаго Филовея. — Древне-русская проповѣдь и проповѣдники въ періодъ до-Монгольской. — Записка о карелахъ, поселенныхъ въ Тверской губерніи. — Продолженіе. — Народная читальня въ Твери. — Письмо къ редактору.

Блаженная кончина, вынось и погребеніе тѣла въ Бозѣ почившаго Митрополита Кіевскаго Филовея.

„Повѣдайте всему русскому православному народу, что теплый молитвенникъ за него, истинный преемникъ св. апостоловъ и учителей церкви, Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Кіевскій Филовей отошелъ ко Господу“ — такъ достопочтенный наместникъ Кіевопечерской лавры, архимандритъ Иларіонъ, просилъ редакцію Московскихъ вѣдомостей возвѣстить всему православному русскому народу о кончинѣ приспомятаго святителя Кіевскаго. Не смотря на истинно-высокій и отрадный смыслъ телеграмма, вполне достойной почившаго іерарха, она глубоко потрясла сердца всѣхъ истинныхъ сыновъ церкви Россійской, — и невольно всѣ осѣнили себя знаменіемъ креста,

творя тайную молитву о скончавшемся: «царство ему небесное! Помяни его Господи во царствіи Твоемъ.»

Въ Твери нѣсколько ранѣе этой телеграммы получено было извѣстіе о кончинѣ Митрополита, и Высокопреосвященнѣйшій Савва 1-го февраля совершилъ заупокойную литургію и панихиду о почившемъ Іерархѣ, въ соборѣ при многочисленномъ собраніи жителей города, особенно чтившихъ святителя. Въ тотъ же день дано имъ благословеніе двумъ лицамъ изъ вышаго духовенства Тверскаго, именно: Архимандриту Желтикова монастыря Гавриилу и члену консисторіи, протоіерею Владимірской церкви В. Владиславлеву, отправиться немедленно въ Кіевъ въ видѣ депутаціи отъ Тверской епархіи—воздать послѣдній долгъ почившему іерарху. Съ особенною охотою и любовію приняли назначенныя лица возложенное на нихъ порученіе; Архимандритъ Гаврииль—какъ землякъ почившему и какъ благодѣтельствованный имъ при опредѣленіи въ наставника Тверской семинаріи;—протоіерей Владиславлевъ—какъ пользовавшійся особенно добрымъ расположеніемъ святителя, когда онъ былъ на Тверской кафедрѣ, и какъ всегда глубоко чтившій его. Нужно было спѣшить прибытіемъ въ Кіевъ, чтобы успѣть къ погребенію. 2-го февраля въ пять часовъ утра депутаты сѣли на поѣздъ, и въ шесть часовъ вечера 3-го февраля были уже въ Кіевѣ. Намѣстникъ лавры, достопочтенный о. Архимандритъ Иларионъ, предъувѣдомленный заранѣе о прибытіи депутаціи, доложилъ о томъ Высокопреосвященнѣйшему Димитрію, Архіепископу Волынскому, которому вмѣстѣ съ Іоанномъ Архіепископомъ Подтавскимъ поручено было отъ Св. Синода совершить погребеніе почившаго святителя,—а также приготовить и экипажи и помѣщеніе для депутатовъ. Погребеніе предложено было совершить въ четвертокъ, 4-го февраля,—зна-

чить, депутаты поспѣли къ самому времени погребенія. Депутаты, наскоро оправившись отъ дороги, прежде всего поспѣшили въ великую церковь Успенія Божіей Матери поклониться гробу почившаго святителя. Гробъ стоялъ на возвышенномъ катафалкѣ; почившій святитель почивалъ въ немъ какъ бы уснувшій; исхудалая, но бѣлая какъ воскъ десница его держала Животворящій Крестъ; на груди покоилось Св. Евангеліе. На полу у головы святителя очередной іеромонахъ внятно и рѣдко читалъ евангеліе; передъ евангеліемъ стояли два іеродіакона съ дикиріемъ и трикиріемъ; другіе два іеродіакона стояли на возвышеніи у ногъ святителя съ дикиріемъ же и трикиріемъ. Затѣмъ два іеродіакона стояли по бокамъ гроба—одинъ съ митрою, другой съ коблукомъ святителя. Впереди гроба стояли четыре высокія лаврскія свѣчи и посреди ихъ высокій крестъ. Въ храмѣ царствовалъ таинственный полумракъ и слышалось только внятное чтеніе евангелія. Поклонившись гробу почившаго и отстоявъ утренею въ покояхъ, гдѣ помѣщался Высокопреосвященнѣйшій Димитрій, и гдѣ для слушанія утрени присутствовали и Архіепископъ Полтавскій Іоаннъ, депутаты вошли въ сосѣдній покой для принятія благословенія отъ святителя Волинскаго, Высокопреосвященнѣйшаго Димитрія. Они покорнѣе просили Владыку дозволить имъ быть въ сослуженіи съ нимъ на завтра и участвовать въ отпѣваніи почившаго Митрополита; Владыка охотно дозволилъ; дозволилъ даже одному изъ депутатовъ сказать нѣсколько словъ при гробѣ скончавшагося іерарха.

Возвратившись изъ покоевъ Высокопреосвященнѣйшаго Димитрія депутаты собрали нѣсколько свѣдѣній о послѣднихъ дняхъ почившаго Митрополита и о Его кончинѣ. «Въ послѣднее время,—говорилъ достопочтенный о. намѣстникъ

лавры, — особенно въ октябрѣ и въ декабрѣ святитель былъ въ сознаніи и иногда довольно долго бесѣдовалъ, особенно со мною. Часто онъ объяснялъ мнѣ слова писанія: *Бога бойтеся, Царя чтите*; или: *воздадите Кесарева Кесареви и Божія Богови*. — «Какого же Царя и почитать болѣе, какъ не Царя православнаго, правовѣрнаго, благочестивѣйшаго, — Царя русскаго? И какому же народу болѣе надлежитъ исполнять этотъ священный долгъ о почитаніи Царя, — какъ не народу русскому, православному, правовѣрному?» — Видно, что покойнаго сильно потрясали и озабочивали послѣднія событія въ нашемъ отечествѣ. Въ послѣднее время — продолжалъ о. намѣстникъ — молился онъ Богу часовъ по пяти и по шести утромъ и вечеромъ, и даже видали его на молитвѣ въ полночь, и при томъ колѣнопреклоненнымъ, не смотря на то, что ушибенная нога мѣшала ему и ступить свободно. — „Воспоминалъ онъ — продолжалъ еще о. намѣстникъ — и о Твери, и всегда съ любовью и удовольствіемъ, говорилъ о праздникахъ вашихъ, особенно когда совершается обнесеніе св. мощей благовѣрнаго князя Михаила, — разсказывалъ его житіе; жалѣлъ бывшаго о. ректора семинаріи, протоіерея А. В. Соколова; „онъ не столько виноватъ, сколько объ немъ говорятъ и пишутъ, и я его знаю“; — воспоминалъ съ особенною любовью объ Афанасіѣ Николасвичѣ. (*) „тамъ есть добрый человекъ, добрый человекъ, говаривалъ онъ.“ — Но по временамъ усопшій терялъ спокойное состояніе духа и страшно тревожился.

Келейникъ усопшаго, И. Д. Колоколовъ, неотступно находившійся все время болѣзни при Владыкѣ, сообщилъ нѣсколько свѣдѣній о послѣднемъ днѣ земной жизни почившаго. „Утромъ въ этотъ день онъ приобщился Св. Таинъ, и съ глубокимъ благовѣніемъ нѣсколько разъ прикладывался къ Святой чашѣ. Послѣ приобщенія легъ на диванчикъ на

(*) Начальникъ губерніи.

спинку свою, сложилъ руки на груди крестообразно и устремилъ взоръ свой къверху. Такъ пробылъ около часу; я подошла къ нему и спросилъ: неуждно ли вамъ, владыко, чайку? — „Подожди.“ И опять устремилъ взоръ свой къ небу. Черезъ нѣсколько времени я опять спросилъ: — „Теперь можно.“ Я принесъ чай; — поднялъ его; но онъ сидѣть не могъ, — такъ онъ былъ слабъ, потому что предъ этимъ временемъ онъ дней пятнадцать морилъ себя голодомъ, рѣшительно ничего не вкушалъ. — „Не положить ли васъ, владыка, — спросилъ я, — говорилъ келейникъ; вамъ очень трудно сидѣть.“ — „Положи.“ Я положилъ его и далъ ему нѣсколько ложечекъ чаю. Онъ едва могъ проглотить; такъ у него пересохло въ горлышкѣ. Потомъ опять сложилъ руки крестомъ и устремилъ взоръ свой къ небу. Часу въ третьемъ я спросилъ: неуждно ли покушать ухи? Онъ задумался, потомъ сказалъ принеси. Я принесъ, далъ опять съ ложечки; онъ проглотилъ ложечки двѣ и полно „Довольно.“ — И опять сложилъ крестообразно руки на груди, и устремилъ взоръ свой къ небу. Дышалъ тихо и покойно; ни стону, ни оховъ, ничего не было. Лежалъ въ простенкомъ подраясничкѣ, въ сапогахъ, на жесткомъ диванчикѣ, — точно онъ приготовился въ путь — дорогу. Вечеромъ пришелъ о. намѣстникъ, затѣмъ позвали духовника; — духовникъ сталъ читать акаѣистъ Спасителю, за тѣмъ отходную. А онъ все глядѣлъ на небо; все держалъ ручки свои на груди крестообразно. Предъ самою смертію раза три глубоко, глубокодохнулъ, грудь нѣсколько поднялась и за тѣмъ тихо опустилась; взоръ все былъ устремленъ къ небу. О. намѣстникъ пощупалъ пульсъ; — не бьется; приложилъ ухо къ сердцу — не бьется. Духъ отлетѣлъ ко Господу. — Отца нашего не стало.

— А бывали и такіе дни, — продолжалъ келейникъ, — что Владыка сдѣлается упрямъ и настойчивъ; никого и ничего

не слушаетъ. Такъ цѣлые пятнадцать дней не принималъ рѣшительно никакой пищи. Сколько отецъ намѣстникъ зиняни уговаривали, — „нехочу“ — да и только“. Исхудалъ до невозможности. Или еще разъ говорить: „ведите меня по всѣмъ комнатамъ.“ Мы повели въ залу, въ гостинную, въ молелю, въ прихожую. — „Ведите къ швейцару.“ — „За чѣмъ же, Владыка?“ — „Ведите.“ — Повели; спустились съ лѣстницы, — и вдругъ келарь навстрѣчу; Владыкѣ точно стыдно стало, и воротился назадъ. Каждого визъ насъ звалъ Нонъ голосомъ кроткимъ по имени и по отечеству; о болѣзни своей говорилъ, когда былъ въ себѣ, что у него голова очень болитъ.

О выносѣ тѣла почившаго напечатано было въ газетѣ „Кіевлянинъ“ въ № 26 слѣдующее: „Уже съ 10-ти часовъ утра 1-го февраля въ Кіево-Печерскую Лавру со всѣхъ концовъ Кіева спѣшила масса народу поклониться праху усопшаго кіевского митрополита Филовея. Въ 10¹/₂ часовъ большой колокольный раздался первый звонъ колокола и въ митрополитскій домъ, у котораго толпилась масса публики, едва сдерживаемой полиціей, стали собираться духовенство, представители мѣстной администраціи, а также высшіе чины. Къ 11-ти часамъ прибыли преосвященные Димитрій архіепископъ волинскій, Іоаннъ и Михайль, викар. Кіев. митрополита. Въ приѣмномъ залѣ митрополитскаго дома на столѣ покоилось тѣло усопшаго митрополита, въ архипастырскомъ облаченіи, въ кипарисовомъ гробу, обитомъ фіолетовымъ бархатомъ. Лице усопшаго было покрыто воздухомъ, тѣло прикрыто фіолетовой мантией, на груди крестъ и св. Евангеліе. По сторонамъ гроба порѣдичетыре свѣчи изъ чернаго воску. Ровно въ 11 часовъ, послѣ совершенія надъ усопшимъ литіи преосвященнымъ Димитріемъ, изъ митрополитскаго дома показалась погребальная процессія. Впереди несли два діакона

крышку гроба, прикрытую бѣлой кисеей; затѣмъ несли крестъ, также прикрытый бѣлой кисеей; далѣе шествіе слѣдовало въ томъ порядкѣ, какой былъ опредѣленъ церемоналомъ. О протяженіи процессіи можно судить потому, что крышка гроба, обогнувъ большую церковь, была уже у главныхъ входныхъ дверей, когда изъ митрополитскаго дома при звонѣ колоколовъ вынесенъ былъ гробъ, предшествуемый многочисленнымъ духовенствомъ и преосвященными въ траурныхъ облаченіяхъ и съ горящими траурными свѣчами въ рукахъ. Гробъ несли архимандриты и протоіереи. Ближе другихъ къ гробу шель преосвященный Димитрій, поддерживаемый двумъ протоіереями. У южныхъ дверей была отслужена краткая литія, затѣмъ такая же литія совершена была у главнаго предѣла и сѣверныхъ дверей, послѣ чего процессія направилась въ церковь, гдѣ посреди церкви былъ установленъ гробъ. Затѣмъ отслужена была торжественная паннихида. При выносѣ тѣла усопшаго архипастыря присутствовали г. главный начальникъ края и многіе представители военной и гражданской власти.

Утромъ 4-го февраля въ 8 часовъ Тверскіе депутаты были уже въ великой церкви Кіевопечерской Лавры, гдѣ стоялъ гробъ съ тѣломъ почившаго. Обязательно намѣстникъ Лавры, о. архимандритъ Иларіонъ, успѣлъ до прибытія всего духовенства показать св. мощи угодниковъ Божіихъ, почивающихъ въ великой церкви, и далъ возможность депутатамъ укрѣпиться духомъ — благоговѣйнымъ поклоненіемъ св. мощамъ. Въ половинѣ девятаго стали прибывать лица, назначенныя участвовать въ совершеніи за упокойной литургіи. Всѣхъ служащихъ было: четыре архіерея: высокопреосвященнѣйшіе архіепископы Димитрій Волынскій и Іоаннъ Полтавскій, два епископа — викарія Кіевского митрополита Іоаннъ и Михаль, шестнадцать

архимандритовъ, протоіереевъ и игуменовъ; — соборъ молитвенниковъ величественный и многочисленный, такъ что обширный алтарь великой церкви Киево-печерской Лавры едва могъ вмѣстить служащихъ, а многимъ желавшимъ и добивавшимся этой великой чести по необходимости было отказано. Въ концѣ литургіи, во время причащенія священнослужителей, произнесено было надгробное слово ректоромъ Киевской дух. семинаріи, архимандритомъ Виталиемъ. Въ своемъ словѣ онъ раскрывалъ ту истину, что истинный подвижникъ можетъ быть въ тоже время истиннымъ администраторомъ и архіереемъ. Въ 12 часу все Киевское духовенство и монашество вышло на средину храма для отпѣванія и заняло все пространство отъ кафедры архіерея до горняго мѣста. Предъ самымъ отпѣвомъ произнесъ краснорѣчивое исполненное ораторскихъ красоть слово преосвященный Михаилъ, ректоръ Киевской дух. академіи. Взявъ за образецъ для своего слова похвальное слово Григорія Богослова Василию Великому, проповѣдникъ со многихъ сторонъ изобразилъ прекрасную свѣтлую личность почившаго.

„Живя въ XIX вѣкѣ, онъ духомъ своимъ и жизнью принадлежалъ къ первымъ вѣкамъ христіанства; онъ былъ подобенъ древнимъ великимъ святителямъ: Василию Великому, Григорію Богослову и Іоанну Златоусту. Простой народъ, взирая на его Ангело-подобное лицо и зная его строгую подвижническую жизнь, не даромъ говорилъ про него: „это угодникъ Божій; это Ангель въ плоти.“ После этого краснорѣчиваго слова, во время котораго у самаго проповѣдника неоднократно исторгались слезы изъ очей, началось отпѣваніе. Прекрасное пѣніе Лаврскихъ пѣвчихъ, съ особеннымъ отпѣнкомъ Киевскаго напѣва, располагало всѣхъ къ умиленной молитвѣ; послѣ перваго евангелія, возшелъ на амвонъ преосвященный

Іоаннъ викарій Кіевскій и съ пастырскимъ жезломъ въ рукахъ, произнесъ безъ тетрадки свое слово; въ этомъ словѣ онъ изобразилъ усопшаго, какъ своего инспектора и наставника по С.-П. Б. академіи. Съ увлеченіемъ говорилъ онъ о личныхъ достоинствахъ усопшаго, какъ инспектора, указывалъ на всегдашнюю его сурьезность, на то, что онъ никогда ни смѣялся, а если когда и улыбался, то эта улыбка была такая дѣтская, чистая, свѣтлая, что она никакъ ни походила на обыкновенный смѣхъ; — никогда ни раздражался и старался всячески благодѣлствовать студентамъ; и если кто изъ нихъ приходилъ благодарить за его благодѣяніе, то говорилъ: „не нужно этого; а вотъ когда будете священникомъ измите за меня частицу у жертвенника Божія и помолитесь обо мнѣ предъ престоломъ Божиимъ. Въ своихъ лекціяхъ по нравственному богословію почившій послѣ доказательствъ изъ слова Божія всегда приводилъ свидѣтельство изъ твореній древнихъ великихъ подвижниковъ: Ефрема Сирина, Исаака Сирина и особенно Іоанна Лѣствичника, котораго онъ преимущественно любилъ. Изученіемъ твореній этихъ великихъ подвижниковъ и посильнымъ подражаніемъ ихъ подвигамъ, онъ приготовилъ себя къ великому служенію церкви Божіей и всемѣрно старался уподобляться древнимъ великимъ святителямъ: Василію Великому, Григорію Вогослову и Іоанну Златоусту. За то Господь и сподобилъ его кончить земную жизнь въ день священномученика Игнатія Богоносца наканунѣ памяти трехъ вселенскихъ святителей.“

По прочтеніи втораго евангелія и молитвы, произнесъ рѣчь у гроба почившаго кафедральный протоіерей, какъ членъ консисторіи, и изобразилъ административную архипастырскую дѣятельность почившаго. За тѣмъ послѣ cadaго евангелія два студента академіи произносили одинъ за другимъ свои

рѣчи; въ нихъ они указывали на то, какое благотворное вліяніе оказывала подвижническая жизнь и истинная апостольская дѣятельность почившаго на молодое поколеніе? „Нигилиста, говорилъ одинъ изъ студентовъ, ты обращалъ на путь истины своею богоугодною жизнію и своею твердою вѣрою; бѣдняку ты помогалъ отъ своихъ щедротъ; шедшаго путемъ истиннымъ ты укрѣплялъ и ободрялъ своимъ высокимъ примѣромъ.“ (*) Послѣ 6-й пѣсни наставникъ академіи, священникъ Воскресенскій, произнесъ еще слово у гроба почившаго, и въ этомъ словѣ отъ лица усопшаго призывалъ, словами церковной пѣсни, къ молитвѣ за усопшаго.

„Братіе мои возлюбленніи, не забывайте мя, егда поете Господа: но поминайте и братство, и молитесь Бога, да упокоитъ мя съ праведными Господь.“ Много было приведено и другихъ стихирь. По прочтеніи разрѣшительной молитвы и сугубой эктениі, одинъ изъ Тверскихъ депутатовъ произнесъ предъ гробомъ почившаго слѣдующее краткое слово: „Почившій о Господѣ іерархъ! Любимая тобою и глубоко почитающая тебя паства Тверская во главѣ съ своимъ архипастыремъ послала насъ недостойныхъ поклониться до лица земли честному твоему гробу, въ которомъ покоятся священныя твои останки, и вмѣстѣ съ великою церковію Кіевскою вознести нынѣшній день, въ этомъ святомъ храмѣ, смиренныя молитвы объ упокоеніи души твоей въ обителяхъ небесныхъ; неотринь подвига любви, подъятаго во имя твое. Паства Тверская твердо вѣруетъ, а съ нею вѣрують и всѣ истинные сыны церкви Россійской, что Всесвятый и Премилосердый Господь даруетъ тебѣ дерзновеніе и на небѣ предстоять Престолу Его, какъ ты предстоялъ на землѣ. О, воздвигни пре-

(*) Среди массы, массы молящихся, у гроба стояли дѣйствительно три студента, обращенные и ободренные почившимъ святителемъ.

подобные руки твои вмѣстѣ съ почившими великими іерархами Всероссийскими, и особенно со многими угодниками Божиими Кіевскими, о Благочестивѣйшемъ Государѣ нашемъ, о мирѣ и спасеніи всего народа русскаго, о великой паствѣ Кіевской, о любимой тобою паствѣ Тверской, и о насъ недостойнѣйшихъ. И если богоспасаемый градъ Кіевъ самымъ мѣстомъ вѣчнаго покоя твоего будетъ повѣдать о тебѣ всему русскому православному народу, какъ о тепломъ молитвенникѣ за него, какъ объ истинномъ преемникѣ св. Апостоловъ и учителей церкви; то и паства Тверская съ любовію и радостію раздѣлитъ съ нимъ этотъ великой подвигъ повѣданія о тебѣ; потому что девятнадцатилѣтнее управленіе твоею паствою Тверскою оставило много, неизгладимо много слѣдовъ, твоего истинно—апостольскаго служенія церкви Божіей; потому что, для кафедръ Кіевской, на которой ты процвѣлъ яко кринь Божій, ты уготовлялся на кафедру Тверской, и потому что, чистая любвеобильная душа твоя соединила всѣхъ чадъ вѣранныхъ отъ Бога тебѣ паствѣ въ единое великое семейство, истинно тобою любимое, истинно тебя любящее? “Предъ самымъ выносомъ тѣла намѣстникъ Лавры, достопочтенный о. архимандритъ Иларіонъ, произнесъ свое слово, исполненное глубокаго назиданія и трогательныхъ подробностейъ изъ послѣднихъ дней жизни почившаго. Затѣмъ гробъ усопшаго поднять былъ и несенъ до мѣста вѣчнаго покоя руками архимандритовъ, протоіереевъ и іеромонаховъ. Множество народа, какъ въ самомъ храмѣ, такъ и внѣ онаго, съ неутомимымъ терпѣніемъ молились и ожидали выноса тѣла. Мѣсто погребенія назначено въ пещерномъ храмѣ у стѣны за правымъ клиросомъ внизу въ склепѣ, рядомъ съ почившимъ великимъ святителемъ Кіевскимъ Филаретомъ. Предъ опусканіемъ гроба въ могилу, однимъ изъ студентовъ академіи произнесена послѣдняя рѣчь, въ которой онъ изобразилъ по-

чившаго святителя, какъ вѣрнопопданнѣйшаго сына Царя Русскаго. Указывая на страшное событіе 1-го марта прошедшаго года, молодой ораторъ говорилъ, что именно это событіе потрясло всю душу вѣрнопопданнически преданнаго Государю и отечеству архипастыря. Все Богослуженіе, начавшееся съ ранняго утра, окончилось въ половинѣ пятаго.

Вѣчная память тебѣ приснопамятный іерархъ Божій.

Поллинные слова и рѣчи, произнесенныя при погребеніи, будутъ отпечатаны въ Киевѣ и пришлются въ редакцію Тверскихъ Епарх. Вѣдомостей, которая помѣститъ нѣкоторыя изъ нихъ на своихъ страницахъ. (*)

---

[1] Почившій митрополитъ кievскій и галицкій *Филовей* родился 15-го января 1808 года въ селѣ Закобьякинѣ, даниловскаго уѣзда, ярославской губернии; въ мiръ назывался Тимофей Григорьевичъ Успенскій. Окончилъ курсъ ученія въ московской духовной академіи въ 1832 году, тамъ постриженъ въ монашество и удостоенъ степени магистра богословія. Съ 1832 по 1842 годъ былъ бакалавромъ московской духовной академіи и инспекторомъ академіи с.-петербургской. Съ 1842 по 1849 г. служилъ ректоромъ духовныхъ семинарій: харьковской, вiенской и московской. Въ 1849 году хиротонисанъ въ санъ епископа дмитровскаго, викарія московской епархіи. Съ 1853 по 1857 г. былъ епископомъ костромскимъ; въ 1857 году перемѣненъ въ тверскую епархію, въ 1861 году возведенъ въ санъ архіепископа, а 5 мая 1876 года назначенъ митрополитомъ кievскимъ и галицкимъ, съ званіемъ священноархимандрита Кіево-Печерской лавры. Имѣлъ орденъ: св. Владиміра 1-й степени, св. Александра Невскаго съ алмазными украшеніями, св. Анны 1-й степени и алмазный крестъ на клобукъ.

Желающіе имѣть фотографическія карточки почившаго архипастыря могутъ получать изъ Кіева отъ фотографа Мезера. Цѣна 4 р. 50 к. за дюжину маленькихъ и 9 руб. за дюжину большихъ портретовъ.

„Древне-русская проповѣдь и проповѣдники въ періодъ до-Монгольскій.“

Извлеченіе изъ замѣтки профессора Вадковскаго.

Въ сентябрьской книжкѣ «Православнаго обозрѣнія за прошедшій годъ помѣщена критико-библіографическая замѣтка «Древле-русская проповѣдь и проповѣдники въ періодъ до-Монгольскій,» принадлежащая профессору Казанской духов. акад. г. Вадковскому, автору довольно многихъ очень обстоятельныхъ и капитальныхъ статей по исторіи проповѣдничества, помѣщенныхъ за разные годы въ «Православномъ собесѣдникѣ. (*)

Въ этой замѣткѣ, именно въ первой ея половинѣ, (**) проводится совершенно новый взглядъ какъ на періодъ до-Монгольскій исторіи русскаго проповѣдничества и на церковно-проповѣдническую дѣятельность Кирилла Туровскаго, знаменитаго церковнаго витія второй половины XII в., такъ равно и на цѣлый періодъ проповѣдничества восточной церкви, извѣстный подъ именемъ «византійскаго», подъ влияніемъ котораго преимущественно въ первый періодъ своего возникновенія русское проповѣдничество и развивалось. Еще болѣе

[*] Василій Вел., его жизнь и проповѣдническіе труды 1872 г. т. II и III и 1873 г. I т. и другія статьи.

[**] Вадковскій въ этой замѣткѣ, написанной собственно по поводу высказаннаго взгляда на проповѣдническую дѣятельность Кирилла Туровскаго Голубинскимъ въ его сочиненіи «Исторія русской церкви,» говоритъ объ общей характеристикѣ проповѣдничества до-Монгольскаго періода съ византійскимъ направлениемъ, представителемъ котораго былъ Кирилль Туровскій, — это составляетъ первую часть замѣтки, а во второй говоритъ о подлинности проповѣдническихъ памятниковъ, приписываемыхъ Кириллу Туровскому и Феодосію Печерскому.

замѣчательна эта критико-библиографическая замѣтка тѣмъ, что въ ней опровергается господствующее мнѣніе въ современной литературѣ относительно достоинствъ и значенія вообще проповѣди, по которому та только проповѣдь вполне соотвѣтствуетъ своей цѣли--назидать слушателей, которая приспособлена къ современнымъ нуждамъ и потребностямъ слушателей, которая касается тѣхъ или другихъ сторонъ общественной жизни даннаго времени,—такая только проповѣдь и можетъ быть назидательною; а та, которая не примѣняется къ современнымъ нуждамъ и потребностямъ слушателей, какъ бы она хороша не была,—не достигаетъ своей цѣли.

(*)

Мы представимъ содержаніе этой замѣтки въ болѣе или менѣе сокращенномъ видѣ—въ извлеченіи, постараемся изложить повозможности наиболѣе выдающіяся мысли, самыя существенныя и при томъ изъ первой половины этой замѣтки, не касаясь второй, какъ слишкомъ спеціальной.

— — —

Въ нашей литературѣ въ настоящее время не уяснено еще вліяніе византійской литературы на наше древнее проповѣдничество. Указаніе на византійское вліяніе—большею частию голословное: византійская мертвенность, холодная риторика, не хотящая знать запросовъ и потребностей жизни, искусственные литературные приемы, состоящіе въ символизмѣ, драматизмѣ, аллегоризмѣ, въ разныхъ риторическихъ тропахъ и фигурахъ и т. п., такова обычная формула, въ которой характеризуется древне-русская церковная проповѣдь, развивавшаяся подъ вліяніемъ византійскимъ. Но въ этой общепринятой характеристикѣ указываются больше частныя черты, а не рисуется типъ цѣлаго проповѣдническаго направленія

съ его существенными свойствами и не указывается, какое же реальное содержание скрывается под этой обще-известной формулой. Подобную же характеристику можно встрѣтить и въ другомъ направленіи русской проповѣди, возникшемъ въ XVII в. подъ латино-польскимъ вліяніемъ; потому что и въ проповѣдяхъ этого рода указываются тѣже частныя черты — символизмъ, аллегоризмъ, драматизмъ и проч. под. Можно, пожалуй, подумать, что оба эти направленія русской проповѣди совершенно-одинаковы, однакожь всякому извѣстно, что они существенно различаются между собою. Затѣмъ обыкновенно въ числѣ общихъ недостатковъ древне-русской проповѣди, развивавшейся подъ вліяніемъ византійской, выставляютъ въ ней отсутствие приспособленія къ современнымъ ей потребностямъ и нуждамъ слушателей, для которыхъ она въ силу этого будто бы была бесполезна и бесплодна. Это заключеніе отличается односторонностію, въ немъ проглядываетъ узкое понятіе о назидательности, оно есть продуктъ историковъ, которые съ своей точки зрѣнія во всякомъ литературномъ памятникѣ хотятъ непременно видѣть указаніе на какое-нибудь жизненное историческое явленіе. Такой взглядъ вообще на проповѣдь получилъ господство подъ вліяніемъ общаго реального направленія современной литературной критики, особенно сочувствующей проповѣдямъ, съ большимъ или меньшимъ присутствіемъ въ нихъ публицистическаго элемента. Историкъ Голубинскій утверждаетъ, что проповѣдь византійскаго типа даже и не имѣла въ виду цѣлей назиданія, а спеціальной задачей своей поставляла только услажденіе слушателей. «Всякій знаетъ, говоритъ онъ, что въ позднѣйшее время искусство церковнаго ораторства у грековъ, оставивъ свою истинную цѣль убѣждать и дѣйствовать на сердца и на чувство людей, начало преслѣдовать другую цѣль — услаждать и тѣшить воображеніе и слухи затѣйливыми, но ни къ

чему не служащими картинами, громкими, но ничего не говорящими фразами, однимъ словомъ — превратилось въ мимолетную и неимѣющую дальнѣйшаго смысла словесную забаву.» Исторія русской церкви (I т. ч. I-я стр. 659): Эту же характеристику цѣликомъ онъ прилагаетъ и къ Кириллу Туровскому, какъ типическому выразителю проповѣди византійскаго стиля. Кириллъ Туровскій, по его словамъ, тоже имѣлъ цѣлю не назиданіе, а заниманіе, вслѣдствіе чего его слова главнымъ образомъ для слуховъ и воображенія слушателей, и весьма мало и почти нисколько для ихъ сердець (тамъ же стр. 662); они не имѣли никакого соответствія по своему характеру съ тѣми слушателями, для которыхъ онъ писалъ и которымъ сказывалъ... Читая краснорѣчивыя слова Кирилла Туровскаго, говоренныя имъ къ совершенно необразованной паствѣ XII в., невольно припоминаешь тѣхъ сельскихъ священниковъ, которые рѣшаются сказывать своимъ прихожанамъ слова покойнаго митрополита Филарета (тамъ же 665 стр.) Противъ всѣхъ такихъ соображеній краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорить тотъ фактъ, что проповѣди Кирилла Туровскаго въ древней Россіи были весьма популярны. Онѣ съ усердіемъ читались и переписывались, встрѣчаются во всѣхъ проповѣдническихъ сборникахъ, съ открытіемъ книгопечатанія внесены въ печатный сборникъ, — и во всякомъ случаѣ имѣли неизмѣримо большую распространенность, чѣмъ проповѣди лучшихъ съ нашей точки зрѣнія проповѣдниковъ древней Руси — митрополита Иларіона и Серапіона Владимірскаго. Въ этомъ слѣдуетъ видѣть не случайное явленіе, а сознательное выраженіе литературно-проповѣдническихъ вкусовъ нашихъ предковъ, которое еще болѣе подтверждается другимъ замѣчательнымъ фактомъ. Проповѣди Григорія Цамблака, сходныя по своему характеру съ проповѣдями Кирилла Туровскаго, не смотря на то, что дѣятельность Цамблака

принадлежала Литовской Руси, что онъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ виновникомъ раскола по вопросу о нераздѣльности русской митрополіи и не долженъ былъ бы по видимому считаться въ Московской Руси человѣкомъ достойнымъ уваженія, — не смотря на все это онъ быстро распространялись въ этой послѣдней. Большая часть изъ нихъ встрѣчается уже въ проповѣдническихъ сборникахъ XVI в. Ясное дѣло, что такія, по нынѣшнему нашему воззрѣнію, состояція изъ бездушнаго набора громкихъ и безплодныхъ фразъ, проповѣди охотно читались нашими предками и при томъ въ богослужебныхъ собраніяхъ, и слѣдовательно вполнѣ отвѣчали и развитію и потребностямъ и запросамъ ихъ въ отношеніи къ религіозному учительству. Значить и духовная пища, предлагавшаяся въ проповѣдяхъ Кирилла Туровскаго, не была непосильною и неудобоваримою для его слушателей, какъ должны быть непосильны проповѣди покойнаго Филарета для крестьянъ, что они находили въ нихъ дѣйствительное — отъ божественныхъ писаній — назиданіе, удовлетворявшее потребностямъ ихъ религіозной любознательности.

Какъ же должно смотрѣть на проповѣди Кирилла Туровскаго и на то литературно-проповѣдническое направленіе, къ которому онъ примыкаютъ по своимъ основнымъ свойствамъ?

Церковная проповѣдь, какъ особый литературный типъ, съ своими специальными задачами и цѣлями, съ своими собственными законами внутренняго развитія и художественнаго творчества, имѣетъ ближайшее отношеніе и родство съ такъ называемымъ ораторскимъ родомъ словесности, который, какъ и проповѣдь, всегда предполагаетъ живое и непосредственное отношеніе говорящаго къ слушающимъ. Вслѣдствіе близкаго соприкосновенія съ краснорѣчіемъ свѣтскимъ, проповѣдь естественно должна была подчиниться въ своемъ раз-

вити основнымъ его теоретическимъ законамъ и правиламъ, вліявшимъ на проповѣдь сначала только въ практикѣ, а потомъ и усвоеннымъ ея теорією. Знаменитѣйшіе церковные проповѣдники IV в. весьма замѣтно пользовались правилами свѣтскаго краснорѣчія въ своей проповѣднической практикѣ. Въ ихъ проповѣдяхъ можно находить образцы господствующихъ въ то время родовъ свѣтскаго краснорѣчія. (*) Съ самаго перваго момента въ исторіи церковнаго краснорѣчія одновременно встрѣчаются два параллельныхъ литературно-проповѣдническихъ теченія—учительное, т. е. совѣщательное, и торжественное, которыя тянутся черезъ всю исторію древней греческой проповѣди. Иногда получало преобладаніе одно направленіе, иногда другое, но никогда одно другое не уничтожало. До V в. преобладающее значеніе имѣлъ родъ проповѣди учительный, съ V вѣка получаетъ господство родъ торжественный, который усиливается и пріобрѣтаетъ большее и большее развитіе по мѣрѣ того, какъ христіанство получало большее и больше распространеніе и господство надъ язычествомъ и одерживало одну побѣду за другою надъ различнаго рода ересями, а также по мѣрѣ того, какъ увеличи-

---

(*) У грековъ и римлянъ краснорѣчіе дѣлилось на три рода: родъ краснорѣчія политическій, или совѣщательный, родъ—торжественный, или панегирический и родъ судебный. Къ первому относились рѣчи общественно-политическія, произносившіяся въ народныхъ собраніяхъ, ко второму—рѣчи похвальные, говорившіяся или въ честь какого-либо замѣчательнаго общественнаго дѣятеля, или въ воспоминаніе важнаго историческаго событія, къ третьему роду пріурочивались специально рѣчи судебныя. Каждый изъ этихъ родовъ имѣлъ свои особыя теоретическія правила, которымъ строго подчинялся; каждый изъ нихъ могъ видоизмѣняться въ приемахъ ораторскихъ сообразно той или другой цѣли краснорѣчія, которая также была тройкая: учить, правиться и убѣждать, въ соотвѣстствіи съ чѣмъ выработано было ученіе и о тройкомъ слоgѣ: простомъ, среднемъ и высокомъ и т. д.

вался въ христіанской церкви кругъ праздничныхъ торжествъ. Торжественное направленіе проповѣди было самымъ естественнымъ— оно отвѣчало вполне внѣшнему положенію церкви и вполне гармонировало съ нимъ. Проповѣдники, сознавая и чувствуя торжество православія надъ ересями и видя могущественное дѣйствіе христіанства на языческой міръ, а также великіе результаты, отъ христіанской религіи происшедшіе среди человѣчества, главными носителями и выразителями которыхъ являются лики святыхъ, — не могли не выражать своего радостнаго и торжественнаго чувства и умиленія, прославленія триипостаснаго Бога и предвѣчнаго Сына, Господа нашего І. Христа и Утѣшителя и Подателя благодатныхъ даровъ Духа Св., а равно прославлять и восхвалять святыхъ, проявлявшихъ свои чудотворныя дѣйствія въ тѣхъ или другихъ трудныхъ обстоятельствахъ, которымъ подвергались христіане. Въ этомъ только и состоитъ существенное различіе между такъ называемымъ древнѣйшимъ и позднѣйшимъ періодами въ исторіи греческой проповѣди. Между тѣмъ и другимъ родомъ проповѣди существуетъ замѣтное различіе, каждый изъ нихъ находится подъ вліяніемъ особой теоріи, съ точки зрѣнія которой ни можетъ быть правильно оцѣниваемъ. Между тѣмъ при критикѣ и оцѣнкѣ памятниковъ проповѣднической литературы это совсѣмъ не принимается во вниманіе. А на сколько та и другая теорія замѣтно вліяетъ на складъ и характеръ проповѣдей, удобнѣе всего изучать на произведеніяхъ одного и того же проповѣдника. Инымъ характеромъ, напр. запечатлѣны слова Григорія Богослова, гдѣ онъ просто чему-нибудь учитъ (оглашенія), и гдѣ старается воздѣйствовать на волю слушателей, и инымъ словомъ, въ которыхъ прославляется лицо или праздникъ. Вслѣдствіе этого каждое изъ указанныхъ направленій проповѣди имѣетъ свой спеціальныи кругъ проповѣдническихъ

произведений. Огласительныя поученія, изъяснительныя бесѣды или гомиліи, слова нравоучительныя относятся къ роду совѣщательному, или учительному, цѣль котораго наученіе вообще и направленіе воли къ извѣстной дѣятельности. Слова же похвальныя на праздники Господскіе и Богородичныя и въ честь святыхъ относятся къ роду торжественному, цѣль котораго прославленіе событія или лица, воспѣваніе величія и милостей Божіихъ, явленныхъ роду человѣческому. Область перваго — умъ и воля, область втораго — чувство и воображеніе. Первый есть какъ бы проповѣдническая проза, второй — проповѣдническая поэзія, основные элементы которой драма и лирика. Съ этими основными своими свойствами торжественный родъ проповѣди является съ (самаго) начала своего возникновенія, а съ нимъ же оставался онъ и въ позднѣйшее время, а въ періодъ развитія самостоятельной славянской и русской проповѣди. По существеннымъ своимъ особенностямъ онъ имѣетъ ближайшую связь и родство съ церковными пѣснопѣніями, и въ лучшихъ своихъ представителяхъ также прекрасенъ и высоко-художествененъ, но какъ эти послѣднія. Отъ того торжественныя проповѣди часто давали обильный матеріалъ для церковныхъ пѣсней. Праздничныя слова напр. Григорія Богослова отрывками во многихъ случаяхъ входятъ въ праздничные каноны Иоанна Дамаскина, — и вообще изъ числа лучшихъ проповѣдниковъ этого рода мы имѣемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первоклассныхъ церковныхъ пѣснописцевъ, каковы напр. Андрей Критскій, Иоаннь Дамаскинъ и другіе. Само собою понятно, что этотъ родъ проповѣди, какъ и церковныя пѣснопѣнія, требуетъ высокаго художественнаго таланта проповѣдническаго. Чѣмъ выше художественный талантъ проповѣдника, тѣмъ лучше его торжественныя проповѣди, и наоборотъ.

Оба указанные направленья проповѣди, учительное и торжественное, почти одновременно появились и параллельно развивались въ древней Руси. Представителями правоучительнаго рода были: Феодосій печерскій, митрополитъ Никифоръ, Серапіонъ Владимірскій и др. Изъ проповѣдническихъ сборниковъ сюда относятся Златоустуи, Измарагды и Златоусты. Главные и лучшіе представители торжественнаго рода проповѣди — Кириллъ Туровскій и Григорій Цамблакъ. Между проповѣдническими сборниками проповѣдями этого рода преимущественно богаты такъ называемые торжественники, отъ торжественнаго рода краснорѣчія и получившіе свое специальное названіе. Это и другое проповѣдническое направленіе одинаково находилось и развивалось подъ вліяніемъ византійскимъ. Первое учительное было по преимуществу компилятивное, и византійская проповѣдь вліяла на него главнымъ образомъ матеріально, служа для него часто просто оригиналомъ. Второе торжественное было болѣе самостоятельное; здѣсь вліяніе византійское сказывалось не столько въ содержаніи, сколько въ формѣ. А форма эта была одинакова, какъ до V в., такъ и послѣ VI в., т. е. какъ въ древнѣйшее, такъ и въ позднѣйшее время. Это различіе родовъ церковнаго краснорѣчія необходимо принимать во вниманіе при характеристикѣ византійскаго проповѣдничества, а равно и древне русскаго, развившагося подъ его вліяніемъ, чтобы избѣжать односторонности при сужденіи объ этомъ вліяніи и чтобы не переносить законовъ и цѣлей одного рода проповѣди на другой.

Назидаетъ ли дѣйствительно торжественное церковное краснорѣчіе, или оно только услаждаетъ и, по выраженію Голубинскаго, тѣшитъ воображенія и слухи? На это также можно отвѣтить вопросомъ: церковныя пѣснопѣнія назидательны

или нѣтъ? Книга псалмовъ назидаетъ или только улаждаетъ? Думается, что какъ о псалмахъ, такъ и о церковныхъ пѣнопѣніяхъ слѣдуетъ сказать, что они и назидаютъ и улаждаютъ, т. е. дѣйствуютъ сильнѣе, чѣмъ простое, спокойное прозаическое наставленіе. Многія же первоклассныя пѣнопѣнія и молитвословія напоминаютъ собою торжественныя проповѣди, драматическія и лирическія, которыхъ они служатъ какъ бы сокращеніями, такъ вы напр. «Прійдите, убожѣимъ, Совѣтъ Предвѣчный, Днесъ Владыка твари и другій, стихиры кресту, акаѣсты и проч. Возбуждаемое ими чувство умиленія и восторга, возносящее человека надъ всею житейскою суетою и исполняющее его духомъ примиренія, любви и всепрощенія, неужели не оставитъ въ душѣ вѣрующаго никакого слѣда, кромѣ минутной, мимолетной улады? Полагаемъ, никто не отрицать на это отрицательно. Тоже самое нужно сказать и о назидательности торжественной проповѣди. Этотъ послѣдній родъ проповѣди, близко граничащій съ пѣнопѣніями, въ отношеніи къ степени назидательности преимуществуетъ предъ родомъ учительнымъ, какъ захватывающій большую область внутренней жизни человека и дающій болѣе полное удовлетвореніе его религіозной алчбѣ и жаждѣ. Поэтому онъ и ничего удивительнаго въ томъ, что древне-русскій человекъ, изъ всехъ книгъ св. Писанія болѣе всего любившій назидать себя псалмами, отдалъ также предпочтеніе торжественному роду проповѣди, съ большимъ удовольствіемъ назидаясь твореніями Кирилла Туровскаго и Григорія Цамблака, чѣмъ поученіями Θεодосія и Серапіона. Художественныя поэтическія произведенія всегда вообще имѣютъ болѣе широкій кругъ читателей и слѣдовательно болѣе широкій кругъ вліянія, чѣмъ сочиненія прозаическія. Кириллу же Туровскому въ высокомъ художественномъ талантѣ никто не можетъ отказать. Онъ и одушевленный ораторъ и замѣчательный творецъ

церковныхъ проповѣдній и молитвословій, съ которыми его проповѣди имѣютъ близкое родство, и его правильнѣе называть проповѣдникомъ потому, что будетъ указывать на особенность формы его наученія. Назидательности торжественнаго рода проповѣди много способствуетъ одинъ изъ основныхъ ея элементовъ — драматизмъ, который въ изобилии даетъ то, что въ прямомъ непосредственномъ смыслѣ называется наученіемъ, назиданіемъ. Драматизмъ всегда почти, за весьма немногими исключеніями, вытекаетъ изъ такихъ евангельскихъ чтеній, которыя сами въ себѣ заключаютъ зачатки его, выражая дѣйствіе въ краткомъ разговорѣ между известными лицами, и по самому существу своему онъ такимъ образомъ представляетъ анализъ евангельскаго чтенія, евангельскаго разсказа. Распространяя краткія евангельскія рѣчи, проповѣдникъ-художникъ этимъ самымъ конечно уясняетъ своимъ слушателямъ смыслъ евангельскаго разсказа, ярко обрисовывая предъ ними тотъ психологическій процессъ, который переживало какое-либо лицо въ бесѣдѣ съ Господомъ Иисусомъ. Возьмемъ напр. разсказъ о невѣрномъ Томѣ, весьма краткій по евангельскому благовѣствованію и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма богатый и обширный по внутреннему своему смыслу. Думается, что весьма много поучительнаго и назидательнаго вынесъ бы для себя слушатель, выслушавъ тако-го проповѣдника, который бы въ формѣ распространеннаго разговора между Спасителемъ и апостоломъ Томою выяснилъ тотъ душевный процессъ, который переживалъ невѣрный апостоль, переходя отъ тяжелыхъ мукъ сомнѣнія и невѣрія къ полной вѣрѣ, выразившейся въ радостномъ возгласѣ: Господь мой и Богъ мой! Такое же назиданіе даетъ торжественная проповѣдь, когда въ ней преобладаетъ даже и чистый лиризмъ. Изліяніе внутреннихъ чувствъ, религіозный восторгъ въ этомъ случаѣ находится въ непосредственной

связи съ указаніемъ тѣхъ благодѣяній Божіихъ къ роду чело-
вѣческому, какія проявились въ томъ или другомъ празд-
нуемомъ событіи. Разсказъ о событіи составляетъ основную
канву такихъ проповѣдей, но онъ такъ сказать аккомпонирует-
ся внутренними чувствами проповѣдника. А чувства умиле-
нія и удивленія къ подвигамъ святыхъ и благодарности къ
Богу, вызываемыя у слушателей, развѣ недостаточное сви-
дѣтельство высокої назидательности такихъ проповѣдей. По-
этому рѣшительно нельзя согласиться съ тѣмъ положеніемъ,
что послѣ IV в. греческая проповѣдь превратилась въ пу-
стую словесную забаву. Пусть всякій почитаетъ проповѣди
греческихъ отцевъ проповѣдниковъ, представителей торже-
ственного церковнаго краснорѣчія изъ позднѣйшаго времени,
напр. Григорія Антиохійскаго, Андрея Критскаго, Иоанна
Дамаскина, патріарха Гермона, Георгія Никомидійскаго и
др. и скажетъ, можно ли ихъ слова назвать мертвыми и без-
душными, размалеванной куклой, словесной забавой, достав-
ляющей мимолетную усладу? Увѣрены, что въ утвердитель-
номъ смыслѣ не скажетъ. А къ нимъ и по складу своего
таланта и по характеру своихъ проповѣдей ближайшимъ об-
разомъ примыкаетъ и Кирилль Туровскій, любимѣйшій про-
повѣдникъ древне-русскаго народа, преслѣдовавшій въ сво-
ихъ проповѣдяхъ цѣли назиданія, а «незаниманія». Если
назиданіе понимать въ самомъ узкомъ смыслѣ, въ смыслѣ
особыхъ нравственныхъ приложеній, и притомъ съ указа-
ніемъ на какія-либо современныя черты, то такихъ дѣй-
ствительно въ проповѣдяхъ Кирила нѣтъ. Но поставятъ это
навидъ какъ существенный и важнѣйшій ихъ недостатокъ съ
низведеніемъ самаго проповѣдника на степень говорящаго
для забавы паяца, значить оцѣнивать ихъ не съ литератур-
но-гомилетической точки зрѣнія, а съ какой-то другой....

Записка о карелях, поселившихся в Тверской губернии.

(Продолжение)

Отсутствием средств къ религиозному и умственному развитію карель объясняется то обстоятельство, что среди них суевѣрія и предрасудки сохраняютъ гораздо большую живучесть и укоренены гораздо сильнѣе, чѣмъ среди русскаго населенія. Нельзя при этомъ не отмѣтить той особенности, что суевѣрія эти, какъ по своей формѣ, такъ весьма часто и по содержанию, напоминаютъ собою суевѣрія русскихъ крестьянъ. Предрасудки о дурныхъ встрѣчахъ, о тяжеломъ днѣ и т. п. существуютъ и у карель. Водяной у нихъ носить почти одинаковое съ рускимъ названіе ведегине; — лѣсовикъ — меччагине; также какъ и русскіе домовому, карелы своему коди гаудыз (*) приписываютъ благотворное или вредное вліяніе на скотоводство, гдѣ все дѣло по ихъ понятіяхъ зависитъ отъ расположенности или вражды домового къ своему хозяину. Карелы полагаютъ, впрочемъ, особаго гаудыз на каждое хозяйственное строеніе, исключая бани, которая потому и считается у нихъ самымъ опаснымъ мѣстомъ особенно въ ночное время [**] Лѣсовикъ у карель играетъ такую же роль, какъ и у русскихъ крестьянъ.

Если карель заблудился въ лѣсу, то въ разсказѣ объ этомъ происшествіи онъ непременно упомянетъ о томъ, что его завелъ лѣсовикъ и всегда найдетъ приличныя для объясненія дѣйствій лѣсовика причины: или онъ не перекрестился при входѣ въ лѣсъ, или выругался какъ нибудь. Точно также, если во время лѣтнихъ жаровъ скотъ забредетъ далеко въ лѣсъ и не вернется къ ночи домой: то и тутъ вина слагается на лѣсовика и дѣлу помогаетъ опытный знахарь своимъ искусствомъ, по принятому выраженію, «пытать скотъ огъ лѣса». Кромѣ лѣсовика, домового, есть у карель и кегри — тоже что русская баба-яга.

Это сходство въ суевѣріяхъ карельскаго и русскаго населенія нельзя не признать, по нашему мнѣнію, слѣдствіемъ вліянія со стороны послѣдняго. Нужно однако замѣтить, что содержаніе многихъ суевѣрій карельскаго населенія до сихъ поръ еще носить на себѣ и своеобразный отпечатокъ, имѣетъ самостоятельный, независимый отъ вліянія рус-

(*) Буква у въ этомъ словѣ должна читаться съ краткимъ знакомъ, и каждое слово съ острымъ удареніемъ на первомъ слогѣ.

(**) Въ статьѣ «этнографическіе очерки быта карель» упоминаются, впрочемъ, и «баники»; но, какъ видно изъ этой же статьи, это мѣстная особенность.

скаго населения характеръ. Это обстоятельство даетъ намъ возможность составить хотя приблизительное понятие о первобытныхъ языческихъ воззрѣнiяхъ карель.

Мы уже видѣли, что карель поклонялись во времена пребыванiя своего въ язычествѣ Верховному Существо—творцу вселенной Юмала, известному намъ только по имени. Можно однако съ увѣренностью утверждать, что языческая религiя карель состояла въ поклоненiи стихiямъ природы. Этъ видно изъ того, что среди карель до сихъ поръ еще слишкомъ жива вѣра въ то, что всякое непочтительное слово, сказанное о водѣ, вѣтрѣ, лѣсѣ и т. п. неизбѣжно сопровождается болѣзнию неосторожно сказавшаго. Поэтому всякій заболѣвшiй даже легкую простуду непременно ищетъ причины своей болѣзни въ оскорбленiи имъ этихъ стихiй природы. Онъ старается припомнить всѣ обстоятельства предшествовавшихъ болѣзни дней, и если въ это время онъ плюнулъ случайно въ воду или крупно высказался гдѣ нибудь въ лѣсу или во время вѣтра, то загадка разгадана, и больной съ увѣренностью проситъ прощенья у причинившей, по его мнѣнiю, болѣзни стихiи. [*] Изъ обрядовъ, которые соблюдаютъ карелами при испрашиванiи прощенья у оскорбленной стихiи, видно, что религiозный языческий культъ карель былъ развитъ въ достаточной степени. Можно догадываться, что всѣ стихiи у нихъ наполнялись цѣлыми поколѣнiями второстепенныхъ боговъ. По крайней мѣрѣ въ формулѣ испрашиванiя прощенья у водной стихiи упоминаются «водяные дѣды и прадѣды, отцы и матери и ихъ малыя дѣтушки,» которымъ карель приносили и жертвы. Этотъ обрядъ испрашиванiя прощенья у воды сохраняется еще доселѣ и происходитъ слѣдующимъ образомъ. Самъ больной, или вмѣсто его знахарь, приходитъ на то мѣсто, гдѣ, по мнѣнiю больного, была оскорблена вода, *пускаетъ въ нее кусокъ хлѣба*, дѣлаетъ поклонъ и говоритъ: «на морѣ, на океанѣ, на островѣ на булнѣ хлѣмъ добрый молодецъ да соекучился, пришеетъ онъ къ тебѣ, матушка вода, съ повислой головой да съ повисною [новый поклонъ]; прости меня матушка вода, прости и вы меня, водяные дѣды и прадѣды, отцы и матери и ваши малыя дѣтушки, чѣмъ я кого прогнѣвалъ». Потомъ дважды, отъ

(*) Сама земля, по мнѣнiю карель, бываетъ причиною болѣзни, которая въ этомъ случаѣ называется не иначе какъ досѣшкою, и объясняется тѣмъ, что земля бѣкъ ступилъ на худой слѣдъ, т. е. на слѣдъ нечистаго (Этногр. очер. быта кар.).

ступая по одному шагу назадъ, повторять тотъ же поклонъ и съ такою же присказкой. [']

— Обращаясь къ описанію бытовой жизни карельск. мы замѣтимъ прежде все о, что въ своемъ физическомъ типѣ они сохранили всѣ тѣ черты, которыми характеризуются финскія племена, и въ особенности свѣтлый цвѣтъ волосъ. Всѣ они безъ исключенія принадлежать къ крестьянскому сословію. [*] Сословность, нужно думать, не была развита въ прежнемъ мѣстѣ ихъ поселенія, но крайней мѣрѣ, объ этомъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Всѣ они, какъ видно, на своей прежней родинѣ занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ, звѣриною и рыбною ловлею, что вполне естественно при обилии лѣсовъ и водъ въ той странѣ.

(*) Въра въ то, что оскорбленіе, нанесенное стихіи, не можетъ остаться безъ наказанія и неизменно сопровождается вредными для человѣка послѣдствіями, естественнымъ образомъ предполагаетъ и множество средствъ къ устраненію этихъ послѣдствій, — отсюда въра въ могущество колдуновъ и знахарей. И дѣйствительно, каждая болѣзнь у карель имѣетъ свое особое противоядіе, особый заговоръ и специальное испрашиваніе прощенія въ особаго знахаря. Знахари эти пользуются среди карель громаднымъ влияніемъ и, нѣтъ сомнѣнія, много содѣйствуютъ поддержанію среди нихъ суевѣрій (Этногр. очер. быта карель). Вотъ все, чѣмъ ограничиваются наши свѣдѣнія о языческихъ воззрѣніяхъ карель, добытыя на основаніи господствующихъ среди нихъ суевѣрій. Создается, что свѣдѣнія эти крайне скудны. Но мы предоставляемъ заняться этимъ дѣломъ тѣмъ лицамъ, которыя находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ карельскимъ населеніемъ и которыя имѣютъ возможность ознакомиться съ ихъ воззрѣніями изъ ихъ народныхъ пѣсень, быльи и легендъ.

(**) По свѣдѣніямъ, собраннымъ священникомъ В. Михайловскимъ, карелы около половины прошлаго столѣтія въ громадномъ своемъ большинствѣ состояли въ вѣдѣніи дворцовой волости или удѣльнаго вѣдомства, кромѣ тѣхъ, которые были закрѣпощены при самомъ своемъ переселеніи. Упоминаются даже имена лицъ, имѣвшихъ въ своемъ крѣпостничествѣ карель, именно нѣсколько татарскихъ князьковъ — Милгокъ, Пыжъ и др., которые захватили въ свое владѣніе въкоторыя земли и закрѣпостили за собою карель на томъ основаніи, что они будто бы поселились на земляхъ, имъ принадлежащихъ. Въ царствованіе Екатерины II и Павла I карелы дворцовой волости были жалованы въ крѣпостное владѣніе высшимъ государственнымъ сановникамъ за ихъ заслуги государству. Такъ Медвѣдѣгорскія дворцовая волость пожалована въ 1797 году сенатору Обременову, Прудовская — Голенищеву Кутузову, Трестенская — сенатору Голубцеву и т. д. Въ настоящее время карелы, наравнѣ съ другими крестьянами, по державной волѣ Царя Освободителя, всѣ получили свободу отъ крѣпостной зависимости.

На карельскомъ языкѣ существуютъ коренныя названія какъ орудій для упомянутыхъ занятій и промысловъ, такъ и помѣщеній для скота и корма. Такъ соха носитъ названіе *адра*, лошадь — *гебона*, корова — *легли*, хлѣвъ — *лявду*, стрѣлать — *амбуо*, [ʃ] неводъ — *нуотта* и проч. Скотоводство и земледѣліе въ настоящее время служатъ главнымъ предметомъ занятій карель; другими же промыслами и ремеслами они занимаются лишь въ свободное отъ полевыхъ работъ время.

Что касается собственно домашняго быта и жизни карель, то трудно думать, что со времени переселенія ихъ въ внутреннія губерніи Россіи онъ измѣнился въ достаточной степени, такъ что здѣсь нельзя не замѣтить вліянія со стороны русскаго населенія. На языкѣ карельнѣтъ не только названій предметовъ роскоши, но и тѣхъ предметовъ, которые въ настоящее время составляютъ необходимую принадлежность каждаго карельскаго дома; названія всѣхъ этихъ предметовъ заимствованы карелами изъ русскаго языка. Такъ столъ называется у карель *стола*, стулъ — *стуула*, [ʃ] лавка — *лауча*, скамейка — *скамми*, труба — *труба*.

Въ настоящее же время всѣ изслѣдователи быта карель приходятъ къ тому единогласному заключенію, что въ своей домашней обстановкѣ они отличаются такою опрятностію и чистотою, что какъ въ этомъ отношеніи, такъ и въ практичности и удобствѣ хозяйственныхъ построекъ далеко оставляютъ за собою русское населеніе. Вотъ въ какихъ чертахъ представляетъ эту обстановку авторъ «этнографическихъ очерковъ». Дома свои карелы строятъ не большіе, но уютныя и помѣстительныя. Большая часть хозяевъ устроиваетъ по двѣ избы, изъ которыхъ лѣтняя всегда бываетъ просторнѣе и чище; напротивъ зимовка — маленькая избенка, служащая для жилья зимою и для отправленія въ ней черныхъ работъ — бываетъ потѣннѣе.

Чистота половъ и стѣнъ въ домѣ карель на столько наблюдается, что нельзя сравнить съ чистотою избъ окружающихъ русскихъ крестьянъ.

(*) Всѣ эти слова должны читаться съ острымъ удареніемъ на первомъ слогѣ, а слово *лявду* — *нуотта* съ удареніемъ на второмъ слогѣ.

(**) Буква *у* въ этомъ также какъ и въ слѣдующемъ слогѣ *лауча* должно читаться съ краткимъ знакомъ и каждое изъ этихъ словъ съ острымъ удареніемъ на первомъ слогѣ.

(***) Историческія свидѣнія о бытѣ карель на мѣстѣ ихъ прежняго поселенія подтверждаютъ это заключеніе, составленное на основаніи изслѣдованія ихъ языка. У карель не было городовъ и Каргополь, около котораго сосредоточивалась наибольшая населенность ихъ, былъ просто селеніемъ; прочіи же селенія состояли изъ нѣсколькихъ обydныхъ хижинъ, построенныхъ безъ всякихъ удобствъ и имѣвшихъ даже такой необходимой принадлежности, какъ труба (Справ. слов. Крайя по V—VI.)

янь. У хорошихъ хозяекъ—карелокъ нередко можно встрѣтить даже полотняные половики.

Заботливость карель о чистотѣ кушанья также заслуживаетъ вниманія. Порядочная хозяйка не возьметъ чего нибудь съѣстнаго или даже орудій бѣды—ножа, ложки—безъ того, чтобы не вымыть предварительно руки. Предъ началомъ стола все отъ мала до велика непременно умывають руки. Не смотря на то, что столъ ихъ бѣденъ мясомъ и все блюда готовятся изъ молока, яицъ и муки, всетаки кушанья порядочной стряпухи карелки могутъ удовлетворить даже прихотливому вкусу. Карелки искусны въ разнообразии блюдъ, но ихъ мастерство всего выше въ различнаго рода ржаныхъ, ячменныхъ и пшеничныхъ, за что у окружающихъ русскихъ онѣ пользуются справедливымъ почетомъ мастериць.

Опрятность и чистота въ платьѣ карель до излишества и переходитъ въ щегольство. Форма и покрой платья обыкновенно русскіе. Ферязи праздничныхъ нарядовъ карелокъ большею частію дѣлаются изъ шерстяныхъ и шелковыхъ матерій. Короче, праздничный нарядъ дѣвушки стоитъ не менѣе 40 рублей.

Внутренняя семейная жизнь карель не оставляетъ однако такого пріятнаго впечатленія, какое выносится изъ вишней обстановки ихъ жизни. Если жизнь русскаго населенія чрезвычайно спльно страдаетъ отъ такъ называемыхъ семейныхъ раздѣловъ, то жизнь карельскаго населенія страдаетъ отъ этого еще болѣе. Каждый болѣе или менѣе состоятельный отецъ—карелькъ еще при жизни старается раздѣлить сыновей своихъ, оставляя при себѣ одного болѣе другихъ любимаго. Необходимымъ слѣдствіемъ такой наклонности карель къ семейнымъ раздѣламъ бываетъ бѣдность обихъ образовавшихся отъ раздѣленія семьи.

Другою характерною чертой въ семейной жизни карель является патриархальность въ полномъ смыслѣ этого слова. У нихъ отецъ есть

(*) Въ случаѣ раздѣла дѣтей самъ отецъ выдѣляетъ имъ имѣніе всѣмъ поровну, оставляя на свою долю очень незначительную по отношенію ко всему имѣнію часть хлѣба и денегъ. Въ тѣхъ же семействахъ, гдѣ дѣлается дѣля съ племянниками, хотя бы послѣдніе и не достигли еще совершеннолѣтія, сначала до положежію удѣла наго вѣдомства, а потомъ и вкоренившемуся обычаю страны, какъ тѣмъ, такъ и другимъ, выдѣляется по равной части изъ имѣнія. Племянники пользуются въ этомъ случаѣ правомъ равенства не за себя, а за своего отца или умершаго или пошедшаго за семейство въ солдаты (Этногр. от. бытѣ карель).

подний глава и властелин своей семьи. Отношение детей къ нему не измѣняется даже съ возрастомъ первыхъ. Каждый отецъ считаетъ себя вправе вразумлять и словами и побоями даже взрослыхъ детей; въ рукахъ отца находится все: и деньги и хлѣбъ до самой глубокой старости, хотя бы тѣ старости оцъ дѣлались слабѣе умомъ, а дѣти его были взрослые и степенны. Почтительность и уваженіе къ старшимъ въ семьѣ доходитъ у карелъ до того, что взрослый сынъ работникъ, которому однимъ часто поддеживается весь домъ, не имѣетъ права, по обычаю страны, жаловаться начальству даже на совершенно безразсудные поступки своего отца или матери. Это уваженіе къ старшимъ переходитъ у карелъ и въ кругъ общественной жизни. Такъ на общественныхныхъ собраніяхъ и мѣркахъ сходкохъ молодые, хотя бы они были известны какъ умные люди, имѣютъ право подавать свой голосъ только тогда, когда пожилые, высказавши свое мнѣніе, изъявляютъ желаніе послушать молодыхъ. Вообще странности и недостатки стариковъ у карелъ неприкосновенны ни для острога, насмѣшливаго языка, ни для дѣльных замѣтокъ объ нихъ со стороны молодежи.

Къ особенностямъ семейныхъ отношеній у карелъ нужно отнести положеніе снохи или невѣстки. Неудачная доля выпадаетъ снохамъ и въ семьяхъ русскаго населенія, но у карелъ она становится едва выносимою. Вся семья, за исключеніемъ мужа, смотритъ на сноху не какъ на свою близкую родню, но какъ на безответную рабу. Невѣстка — это семейная жертва! Она обязана всѣмъ служить и каждого почитать по взаимнѣ она ни отъ кого, кромѣ мужа, не встрѣчаетъ и тѣни сочувствія. Во всѣхъ женскихъ работахъ сноха должна быть всегда первою: всѣ тяжелыя работы лежатъ почти исключительно на ней. Постоянные и болѣею частью незаслуженные выговоры и упреки свекра, брани свекрови, насмѣшки золовокъ, непріязненные отношенія одной снохи съ другою и вдобавокъ — постоянный усиленный трудъ — вогу удѣлъ молодыхъ женщинъ у карелъ на первыхъ порахъ ихъ замужества.

Жестокость обращенія со снохою въ иныхъ семьяхъ доходитъ до того, что сноха, работающая до упаду, не получаетъ себѣ отъ свекра и свекрови ни бѣлья, ни обуви, ни какой либо верхней одежды, а должна до самой смерти стариковъ одѣваться собственнымъ приданнымъ платьемъ. И все это дѣлается не отъ бѣдности и скупости какол либо семьи, но отъ общаго обычая страны, отъ искаженнаго, чисто варварскаго взгляда карелъ на значеніе женщины.

Такая заботливость женщины — карелки — не ограничивается семейною жизнью, а идет гораздо дальше и рѣже всего выражается въ раздѣленіи занятій между мужчинами и женщинами. Все занятія мужа и жены такъ рѣзко разграничены между собою, что при неуспѣшности въ той или другой работѣ они не въ состояніи оказать другъ другу помощь, или лучше сказать мужъ не считаетъ нужнымъ помогать своей женѣ въ ея работахъ. Довольно указать на то, что по окончаніи лѣтнихъ полевыхъ работъ, мужъ дѣлается въ полномъ смыслѣ байбакомъ, но ударить пальцемъ о палецъ и не двинется съ мѣста, чтобы помочь женѣ, считая исключительно ея обязанностию заботиться о хозяйствѣ и о дому.

Вся самостоятельность карелки состоитъ только въ безконтрольномъ распоряженіи льномъ, прѣкою и холстомъ. Здѣсь она полная хозяйка, и не къ чести карелоку необходимо замѣтить, что этимъ правымъ онъ пользуется иногда очень эгоистично. Рѣдкая карелка и то только въ крайней, безвыходной нуждѣ мужа отдаетъ ему свои деньги, вырученныя ею отъ продажи холста, или же согласится продать совершенно лишній холстъ для удовлетворенія нужды мужа. Такое раздѣленіе занятій и имущества сплоснъ и рядомъ отзывается на хозяйствѣ карелья неблагоприятными послѣдствіями.

Бытовая жизнь карелья, точно также какъ и религіозная, заключаетъ въ себѣ немало предразсудковъ и суевѣрій. Каждое болѣе или менѣе значительное семейное событіе связывается съ соблюденіемъ различныхъ суевѣрныхъ обычаевъ. Изъ такихъ обычаевъ особенно замѣчательны тѣ, которые соблюдаются при сватовствѣ, свадьбѣ, при погребеніи; сюда же относится такъ называемое празднованіе *кеиръ*. Вотъ какъ описываетъ эти обычаи авторъ этнографическаго очерка. Сватовство карелья начинается тѣмъ, что свать съ жениховой стороны, давъ напередъ знать извѣстному свмѣству о желаніи жениться, идетъ невѣсту, являясь потомъ вмѣстѣ съ женихомъ въ домъ невѣсты, при входѣ оба молятся иконамъ, кланяются семейству, кромѣ отсутствующей невѣсты; потомъ женихъ, надѣвая рукавицы и шапку, садится на долевой лавкѣ близъ иконъ, и въ такомъ положеніи ожидаетъ невѣсты. Въ это время свать жениха со страхомъ невѣсты выводитъ послѣднюю въ домѣ лучшемъ платьѣ на показъ жениху, которому она дѣлаетъ молча три пожеланыхъ поклона; на это женихъ не отвѣчаетъ ни поклономъ, ни снятіемъ шапки, ни даже ласковымъ словомъ, но продолжаетъ

сидѣть въ принятомъ имъ положеніи и осматриваетъ невѣсту со строгимъ вниманіемъ жениха. Это дѣлается по словамъ самихъ карель, въ знакъ господства мужа надъ женой. Затѣмъ, сейчасъ же по окончаніи поклоновъ невѣсты, свать жениха, подымая кверху руки для опредѣленія тѣмъ роста и молодечества жениха, говоритъ: мѣнъ паремби — намъ лучше. Тоже самое повторяется и свахою. Эти троекратные поклоны невѣсты и возгласы свата и свахи повторяются до трехъ разъ. После этого невѣста уходитъ въ особую комнату, а женихъ, положивъ около 10 к. на пошку за нарядъ невѣсты, выходитъ со сватомъ въ сѣни и тамъ даетъ знать — поправилась ему невѣста, или нѣтъ, и такимъ образомъ уполномочиваетъ свата или рѣшительно сватать или полусватовствомъ готовить приличный разрывъ дѣла. Затѣмъ оба входятъ въ избу и дѣлаютъ предложеніе, на что отецъ и мать невѣсты, благодаря за честь сватовства по общепринятому обычаю чванства, отвѣчаютъ отказомъ. Чтобы понять сущность отказа — справедливъ онъ или нѣтъ — большею частію дѣлается такъ, что свать выбирается женихомъ изъ того селенія, въ которомъ живетъ невѣста. Такой свать, зная хорошо намѣренія той и другой стороны, въ случаѣ названнаго отказа, прямо объявляетъ жениху истину. Если же имъ отказали только по модѣ, то свать 10 и болѣе разъ сходитъ къ родителямъ невѣсты, прежде чѣмъ получить отъ нихъ согласіе.

И въ повѣрьяхъ карель при самыхъ свадьбахъ должно отнести: а) странное предубѣжденіе къ дружку и къ его плеткѣ — татаркѣ. Непрѣмѣнною обязанностію главною дружки считается то, чтобы всюду впередъ повобранныхъ и поѣзжанъ шель, онъ, чтобы на дорогѣ, въ каждахъ воротахъ, на всѣхъ дверяхъ онъ дѣлалъ своею плеткою въ воздухѣ изображеніе креста, — и все это дѣлается для того, чтобы никакой наворотъ, никакая порча или шутка мѣстныхъ знахарей не могли быть вредными для повобранныхъ и поѣзжанъ. Поэтому дружка во время свадьбы болѣе всего заботится о чѣлости своей татарки, — съ нею чѣмъ входитъ въ деревню, съ нею садится за столъ. б) Обыкновеніе общее, впрочемъ, съ русскимъ населеніемъ, привозить невѣсту въ церковь, покрытую таткою. в) Обыкновеніе по окончаніи вѣчанья, повязывать молодой повойникъ, класть на повойникъ блюдо пироговъ, которые сейчасъ же разбираются праздными зрителями свадьбы. г) Подъ ѣзку послѣ свадьбы не къ крыльцу, а къ въѣзду на дворъ и дворомъ уже приходитъ въ избу, тоже, вѣроятно, для избѣжанія порчи. д) Обык

новеніе отводить новобрачныхъ днѣ на два до княжескаго стола въ холодный чуланъ, куда имъ носить и пищу; отсюда не впускають ихъ въ избу, хотя бы свадьба была зимою въ сильные морозы, и отецъ молодого, кромѣ занимаемой гостями, имѣтъ еще другую избу. Очень частыя и сильныя заблужденія проеждую, вслѣдствіе двухъ-суточнаго пребыванія на морозѣ, всегда приписываютъ порчѣ.

Въ повѣрье о покойникахъ, кромѣ необходимости омыться въ банѣ сейчасъ послѣ похоронъ, замѣчательно то, что карелы, какъ это высказывается въ ихъ поминальныхъ дѣсяняхъ, думаютъ, будто во время каждаго поминокъ вмѣстѣ съ причтомъ являются на обѣдъ и сами покойники, почему на поминкахъ, для однихъ и тѣхъ же лицъ собирають два стола одинъ послѣ другаго, предназначая одинъ изъ нихъ для усопшихъ.

Наконецъ послѣднее повѣрье есть празднованіе такъ называемыхъ кегрь. Оно состоитъ въ слѣдующемъ: въ первую, послѣ Дмитриевской поминальной, субботу, всѣ карелы варятъ большое количество толокна, которымъ однимъ только въ этотъ день поминать усопшихъ сродниковъ, пропустивши напередъ до полудня, какъ дѣлають это въ другихъ праздники. Молодые люди, нарядившись разными страшными лицами, ходятъ по сосѣднимъ домамъ, пугаютъ малолѣтнихъ дѣтей, при чемъ особенно не мнутъ лишесыхъ. [1]

(Продолженіе будетъ)

Народная читальня въ Твери.

17-го января настоящаго года въ часъ пополудни открыта Народная читальня въ городѣ Твери, въ зданіи городского училища. Открытіе началось молебствіемъ Господу Богу о ниспосланіи Его благословенія на начинаемое доброе дѣло; при открытіи находились Г. Губернаторъ Аванасій Николаевичъ, супруга Губернскаго Предводителя Дворянства С. В. Мещерская, Предсѣдатель Казенной Палаты А.

(*) Авторъ не знаетъ, точно также какъ и сами карелы, почему есть дѣнь носитъ такое названіе и почему молодые люди наряжаются въ этотъ день чудовищами. Не стоитъ ли это празднованіе въ связи съ понятіемъ о бабъ-ягѣ, называемой на карельскомъ языкѣ «кегря»?

К. Жизневскій, Директоръ гимназій, Директоръ народныхъ школъ и многія другія лица. Народу, жаждущаго слышать чтенія и собесѣдованія стеклось великое множество, такъ что цѣлыя толпы вѣдъ стѣнъ училища, а также и въ самомъ училищѣ, волновались и рвались въ помѣщеніе, гдѣ происходило молебствіе и чтеніе, и къ несчастію не могли быть допущены по крайне малому помѣщенію.

Послѣ молебствія и непродолжительной духовной бесѣды, произнесенной однимъ изъ священниковъ, началось чтеніе Кириллѣ и Меодіи съ туманными картинами. Чтеніе это продолжалось болѣе часу. Въ тѣсной комнатѣ сдѣлалась такая духота, что многимъ дѣлалось дурно. Намъ кажется, что такія продолжительныя чтенія, даже и не въ такой духотѣ, не вполне соответствуютъ понятію о чтеніи для народа. Народъ нашъ непривыкъ такъ долго и такъ безмолвно слушать чтеніе; у него притупляется всякое вниманіе, да и самое чтеніе намъ кажется выбрано было не совѣтъ удачно. Память первоучителей славянскихъ недавно стала распространяться между людьми, получившими школьное образованіе, а къ народу нашему мало привилась что доказывается малымъ сочувствіемъ народа къ установленному въ честь просвѣтителей Славянъ церковному празднику. Лучше бы выбрать чтеніе историческое изъ жизни святаго благовернаго великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго, или изъ жизни покойнаго Государя Императора, память о которомъ такъ драгоценна для народа.

Послѣ двухъ чтеній въ этомъ крайне тѣсномъ помѣщеніи читальня перенесена въ зданіе классической гимназій, гдѣ есть весьма помѣстительныя залы, и гдѣ находится Музей, въ который по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ ходитъ весьма много простаго народа. Музей можетъ служить мѣстомъ помѣщенія для той массы, которая не умѣстится въ залѣ.

Порядокъ чтеній установленъ слѣдующій: въ началѣ бесѣды или чтеніе изъ самой жизни Господа Иисуса Христа; при чемъ будутъ допускаемы только тѣ картины, которыя вполне соответствуютъ духу и ученію православной церкви. а изображенія событій двенадесятихъ праздниковъ не будутъ представляемы, дабы непрофанировать ихъ священнаго значенія, какое они имѣютъ въ церкви, когда представляются на св. иконахъ. Духовныя бесѣды изъявили согласіе вести каедральный протоіерей Г. П. Первухинъ, протоіерей В. Владиславлевъ и священникъ женскаго монастыря М. В. Владимірскій. Для чтенія статей историческаго, литературнаго и естественно-хозяйственнаго отдѣла желающихъ много: во главѣ ихъ директоры классической гимназіи и реального училища, потомъ многіе изъ учителей Гимназіи и Реального училища, духовной Семинаріи и приходскаго училища. Веѣмъ дѣломъ заправляетъ учитель Гимназіи Константинъ Васильевичъ Чернышевъ, — человекъ энергичный и опытный въ этомъ дѣлѣ, потому что онъ участвовалъ въ подобныхъ чтеніяхъ въ народной читальнѣ въ Москвѣ. Онъ въ прошедшемъ декабрѣ исходатайствовалъ у Тверскаго Губернскаго Земства 500 руб. въ пособіе на открытіе читальни въ Твери. Дай Богъ доброму дѣлу добраго успѣха.

Письмо къ Редактору.

Предо мною лежитъ письмо къ мнѣ усоншаго недавно о. протоіерея Александра Васильевича Соколова. Оно писано мнѣ 2 апр. 1881 г. Тяжело мнѣ было читать его во время получения, и съ тѣхъ поръ скучно, больно и жалко мнѣ было поминать душу раба Божія протоіерея Александра. Какъ много выстрадала эта свѣтлая въ Твери, умная честная личность. Какъ она благодушно переносила всякія соплетенія житейскія! Она вѣровала, твердо вѣровала въ Промыслъ Божій. И въ последнее свиданіе со мною въ Петербургѣ ободрялъ и утѣшалъ себя А. В. Соколовъ словами Спасителя.

Въ письмѣ ко мнѣ, по увольненіи отъ должности ректора семинаріи, оны пишеть: *factum infectum fieri non potest*. Теперь смиренно живу насгоятелемъ Предтеченской церкви, что въ Роговикѣ; служу обѣднѣ, панихиды и молебны, кланяюсь покойникамъ по могиламъ и «до сихъ поръ еще не умеръ съ голоду, хотя въ нынѣ недѣлю доходъ мнѣ весьма недостаточенъ даже на хлѣбъ насущный. Шестъ рублей пятьдесятъ коп. доставлять на каждого члена моего семейства — ровно по пятьдесятъ коп. въ недѣлю... Но жалобами дѣлу не поможешь.»

Не возможно читать этихъ строкъ безъ состраданія къ чловѣку, честному труженнику, всегда любившему добро, бѣдность и разнородныя души, порученныя его попеченію. Господи суди, такой крестъ своему избромнику о. Александру. И о. Александръ несъ его до могилы. Господи, что сіе еже объ о. Александрѣ таинство?

Теперь онъ, перей Вога Вышняго, стонитъ предъ судищемъ Христовымъ. На землѣ осталась его семья, бѣдная, безпомощная, почтенная добрымъ именемъ отца, многоплоднаго общественнаго дѣятеля.

Поможемъ же мы вдовѣ и сиротамъ. Будемъ всѣ, кто живи въ силлахъ, стараться, чтобы всѣ члены его семьи на жизненномъ пути шли имѣя предъ глазами великія дарованія и добродѣтели отца.

Всѣ почитатели и ученики соединимся и дадимъ возможность вдовѣ и сиротамъ жить безбѣдно. Съ міру пошлеть — бѣдному одежда.

Одинъ изъ почитателей усопшаго о. протоіерея Ал. В. Соколова В. Я. Михайловскій.

Къ этому письму приложены 20 рублей для передачи семейству о. протоіерея А. В. Соколова. Деньги переданы редакціею суцнумъ, которая приняла ихъ съ глубокою благодарностію.

При семъ № прилагается 6-й листъ протоколовъ Епархіал. Сѣзда.

Редакторъ Протоіерей В. Владиславлевъ.

Дозволено цензурою. 15 февраля 1882 года

Печатано въ Типографіи Тверскаго Губернскаго Правленія